

Посвящается всем *fylgjur*

СОДЕРЖАНИЕ

Замечание о языке	17
Пролог. Дерево, прибитое волнами к берегу	19
Введение. Прародители и наследники	25

СОТВОРЕНИЕ МИДГАРДА

1. Жилища свои, обличья свои	47
2. Вьюжный век, волчий век	76
3. Социальная сеть	115
4. Стремление к свободе	146
5. Пересечение границ	159
6. Спектакль власти	182
7. Встречи с Иными	204
8. Погребальные обряды	222

ФЕНОМЕН ВИКИНГОВ

9. Набеги	263
10. Маритория	277
11. Воинское братство	296
12. Гидрархия	321
13. Диаспора	345

НОВЫЕ МИРЫ, НОВЫЕ НАЦИИ

14. Золотой век овцевода	365
15. Шелк, серебро и рабы	378
16. Монархические эксперименты	416
17. Земля огней и виноградных лоз	443
18. Открытый финал эпохи викингов	461
Эпилог. Игры	470
Благодарности	475
Библиография	480

ЗАМЕЧАНИЕ О ЯЗЫКЕ

В этой книге речь идет по большей части о живых существах, местах и понятиях, чьи сегодняшние названия происходят в основном из древнескандинавского языка (это, на самом деле, условное краткое обозначение сложной совокупности средневековых и досредневековых диалектов и языковых ветвей Исландии и Скандинавии) или из современных языков стран Северной Европы. Ориентироваться в этом комплексном звуковом ландшафте может быть непросто, и нет простого способа нормализовать его в английском тексте, одновременно воздав должное его изначальному разнообразию. Я решил сделать выбор в пользу удобства и легкости чтения, пожертвовав систематичностью, и ввел несколько языковых упрощений.

Две древнескандинавские (и современные исландские) буквы были переименованы на английский лад, кроме случаев, когда текст цитируется в оригинале, и употребления в некоторых именах: Þ/þ, или торн, превратилась в *th* и произносится как первые две буквы в слове *thought*, а Ð/ð, или эт, произносится мягче, как в слове *breathe*, но записывается как английская *d*. Точно так же древнескандинавский дифтонг *æ* был разделен на *ae*, произносится примерно как слово *eye*.

Скандинавские диакритические знаки в гласных почти везде сохранены в именах: долгое *á* произносится как *ow*, поэтому *há* (высокий) произносится как *how*; *é* — как «ау», первая буква английского алфавита; *í* — долгое *ee*; *ó* — более высокая и четкая версия обычного звука, произносится как *owe* с дополнительным нажимом; *ý* — долгое и глубокое, как

гласная в слове *sure*, произнесенном с раскатистым шотландским акцентом. В древнескандинавском языке *u* также является гласным и произносится примерно как *ew* (разговорное выражение отвращения); при акцентированном *ú* этот звук растягивается.

В топонимах и личных именах там, где это уместно, использовались современные скандинавские буквы *å*, *ä/æ* и *ö/ø*, с небольшой разницей между шведским и датским/норвежским. В английском языке они произносятся примерно следующим образом: *å* как *oar*, *ä/æ* как *air*, *ö/ø* как *err*. Шведская буква *ö* использовалась для обозначения *o*, древнескандинавской *o* с огбнэком.

В некоторых академических работах (в том числе во многих моих) для имен собственных используется древнескандинавский номинатив, даже если это создает грамматическое противоречие в контексте современного английского. Пожалуй, самый распространенный пример, в котором также присутствуют некоторые упомянутые выше буквы и надстрочные знаки, — это имя бога Одина (Oðinn, произносится *Owe-thinn*). За некоторыми исключениями, в этом и других подобных случаях (например, когда упоминается его сын Þórr) здесь имена пишутся на английский манер: *Odin* и *Thor*.

Отрывки из древнескандинавских текстов в основном даны на английском языке, хотя кое-где я оставляю в оригинале отдельные средневековые слова и даже цитирую целые стихотворные строфы. Поэзия эпохи викингов, прочитанная вслух правильным образом и в подходящей обстановке, ощущается на языке как холодное железо: сложные схемы рифм накладываются друг на друга, как слои наледи — коварные, но прекрасные. В этом языке слышится нечто древнее и настоящее, даже если мы способны понять его только в переводе, и по этой причине я включил в книгу подборку стихов.

ПРОЛОГ

ДЕРЕВО, ПРИБИТОЕ ВОЛНАМИ К БЕРЕГУ

Боги шагают по песку, и извилистая цепочка следов тянется за ними вдоль берега необъятного океана. Волны грохочут и пенятся совсем близко, оглушая своим ревом. На берегу нет больше ничьих следов, потому что в этом мире пока еще нет людей.

Мы видим троих идущих: Один, самый могущественный и ужасный, и его братья Вили и Ве. Впрочем, у каждого из них много других имен — в божественной семье асов это станет самым обычным делом.

Казалось бы, вокруг мир и покой, но они созданы из крови: земля и небеса в буквальном смысле вылеплены из расчлененного трупа жертвы убийства. Вселенная как место преступления — тревожная история, полная странностей, жестокости и противоречий, — история, истинный смысл которой нужно не только понять и объяснить, но и прочувствовать. В свое время мы познакомимся с историей творения ближе, но сейчас все это позади, и вокруг тихо. Боги любопытны: они неустанно исследуют природу вещей, которые находят в своем блестящем новом мире. Что это такое? А это? Они совершенно одиноки здесь, где пока еще нет ни духа, ни разума, ни цвета.

Но вот боги выходят на побережье и замечают кое-что у кромки воды.

Две большие колоды плавника, выброшенные приливом, лежат на голлом пустынном берегу под необъятным небом. Один и его братья подходят, с усилием переворачивают лежащие на песке древесные стволы. И именно тогда они понимают, что находится внутри, так же, как скульп-

тор угадывает в глыбе необработанного камня будущее изваяние, ожидающее, когда его выпустят на свет. Трое богов протягивают руки к дереву — обстругивают, выглаживают, придают ему форму. Вокруг взлетают стружки и опилки. Боги широко улыбаются друг другу, захваченные радостью творения. Постепенно скрытые внутри существа становятся видимыми, обретают очертания под прикосновениями божественных пальцев. Тут рука, там нога и, наконец, лица.

Сначала мужчина — первый человек, — а затем женщина. Боги пристально смотрят на них. Один первым делает шаг вперед — и выдыхает им в рот, даруя жизнь. Они кашляют, начинают дышать, по-прежнему запертые в древесном плену. Ве открывает им глаза и уши, приводит в движение их языки, разглаживает их черты — ответом ему становятся изумленные взгляды и шумный лепет. Вили наделяет их разумом и умением двигаться — и они выбираются из дерева, разбрасывая вокруг себя хлопья коры.

Наконец, боги дают им имена, превращая их сущность в звук. Мужчина — Аск, ясень. Женщина — Эмбла, вяз.

Первые в мире люди изумленно оглядываются вокруг, прислушиваются к тишине, а затем наполняют ее речью, криками, смехом. Они указывают пальцем на океан, небо, лес, давая имена все новым и новым вещам, и снова смеются. Они пускаются бежать прочь от наблюдающих за ними богов, убегают по песку все дальше и дальше в свой новый дом, пока совсем не скрываются из виду. Может быть, на прощание они машут Одину и остальным, может быть, нет, но они с ними еще увидятся.

От этой пары произошло все человечество, с незапамятных тысячелетий древности до наших дней.

Немногие культуры древности пользуются таким массовым признанием и вызывают столько же интереса, как викинги. Почти все мы что-то слышали о викингах. Всего за три столетия, примерно с 750 по 1050 год н. э., народы Скандинавии преобразили северный мир, и последствия этого ощущаются до сих пор. Викинги изменили политическую и культурную карту Европы, придали новую форму торговле, экономике, поселениям и конфликтам, распространив их от Восточного побережья Америки до азиатских степей. Сегодняшний образ викингов складывается из стереотипов: морская агрессия, знаменитые длинные корабли, набеги и грабежи, огненная драма «викингского погребения». В них есть доля правды, но

Рис. 1. «Викторианские» викинги. Необычный рисунок Лоренса Фролиха (1895) изображает пир богов из древнескандинавской поэмы «Перебранка Локи». Боги-асы похожи одновременно на античные скульптуры пирующих варваров и на чопорных гостей викторианских званых ужинов, Локи ведет себя как подвыпивший дядюшка, и все это происходит в чертогах рококо с подбием люстры под потолком

помимо всего этого скандинавы приносили в земли, которые открывали, и народам, с которыми встречались, новые идеи, технологии, убеждения и обычаи. При этом сами они тоже менялись, и в их обширной диаспоре возникали новые жизненные уклады. У них на родине из множества мелких королевств в конце концов сформировались государства — Норвегия, Швеция и Дания, существующие и сейчас. В то же время традиционные верования Севера постепенно оттеснило на второй план христианство — изначально чуждая вера в корне изменила взгляды скандинавов на мир и будущее.

В буквальном смысле викинги, конечно же, люди прошлого, мертвые и навеки ушедшие, — и в то же время их протоистория примечательно осязаема и как будто способна с равной силой откликаться на любое воздействие. У многих возникало искушение, оглянувшись назад, склонить чаши весов истории в ту или иную сторону, воображая, будто этот импульс исходит не от них самих, но обусловлен явлением неких доселе скрытых истин. Средневековые монахи и ученые представляли предков-язычников как своих предшественников, благородных, но заблуждающихся, — или, наоборот, как пособников дьявола. В иллюминированных рукописях средневековых романов викинги под влиянием ориенталистских предрассудков превратились во врагов Христа — сарацин, и изображались в тюрбанах и с ятаганами. В Англии времен Шекспира викинги воспринимались как неистовая движущая сила ранней истории величия королевства. Вновь открытый в эпоху Просвещения под видом «благородного дикаря», образ викинга был с воодушевлением принят сторонниками романтического национализма в XVIII и XIX веках. Викторианские империалисты в процессе формирования собственной идентичности прочесали скандинавскую литературу, ища подходящие образцы для подражания, и нашли в твердости и настойчивости своих северных кузенов очередное доказательство особого предназначения англосаксов. К логическому завершению эта кривая пришла столетие спустя, когда нацисты в погоне за расистскими фикциями присвоили викингов себе и водрузили на пьедестал под видом арийского архетипа; их современные преемники до сих пор отравляют нам жизнь. Члены обширного языческого сообщества в наши дни ищут духовную альтернативу, черпая вдохновение в религии викингов и приправляя мутную древнескандинавскую брагу ароматическими добавками в духе Толкиена. Все они и многие другие, в том числе современные ученые и зрители исторических телесериалов, собирают разрозненные материальные и текстовые фрагменты, оставленные викингами, и складывают из них нечто новое по собственному вкусу. Иногда кажется, что настоящие люди эпохи викингов совсем исчезли под возложенной на них совокупной тяжестью позднейших представлений. Как тут не вспомнить «Возвращение в Брайдсхед» и Энтони Бланша: *Oh, la fatigue du Nord!*

Большинство этих точек зрения объединяет привилегированное положение наблюдателя, разглядывающего викингов со стороны, и полнейшее невнимание к тому, как видели мир сами викинги. Это отношение имеет давнюю историю — в самом деле, мы наблюдаем его уже в текстах, написанных жертвами викингов, хотя от них вряд ли можно было ожидать

Рис. 2. Когда все пошло не так. Плакат о вербовке в СС и реклама общественного шествия в оккупированной нацистами Норвегии в 1943 году. Яркий пример политического использования темы викингов

беспристрастности. Как ни парадоксально, даже люди, с которыми скандинавы вступали в непосредственный контакт (нередко точкой контакта служило острие меча), не всегда были до конца уверены, с кем они имеют дело. Возьмем всего один пример из конца IX века: после ожесточенной войны с целой армией викингов король Альфред Великий из Уэссекса на юге Англии, принимая при своем дворе мирного норвежского купца, забросал его вопросами: откуда они пришли? Чем они занимаются? Как они живут? Король был не одинок в своем любопытстве.

Эти трудные вопросы продолжали обсуждать в течение следующей тысячи лет, а в последние примерно два столетия с расширением научных исследований и специальных знаний дебаты особенно накалились. Однако и здесь внимание снова сосредоточено главным образом на том, что именно делали викинги, а не на том, почему они это делали. Возникает ощущение, что мы смотрим в телескоп истории не с той стороны и пыта-

емся охарактеризовать (и часто осуждаем) людей лишь по последствиям их действий, не принимая во внимание стоящие за ними мотивы.

В этой книге мы изменим угол зрения и станем смотреть изнутри наружу. Сделаем особый упор на том, кем на самом деле были викинги, что ими двигало, как они думали и чувствовали. Их впечатляющая экспансия, конечно, не будет оставлена без внимания, но в первую очередь мы попытаемся постичь ее контекст и ее истоки.

С чего же начать в таком случае, как не с сотворения мира? Корни истории о богах, создавших первого мужчину и первую женщину из древесных стволов на берегу Мирового океана, глубоко проникают в скандинавскую мифологию. И если люди испытывали при встрече с викингами страх и растерянность, не понимая, с чем они столкнулись, у самих викингов никогда не было на этот счет ни малейших сомнений: они были детьми Ясеня, детьми Вяза.

ВВЕДЕНИЕ

ПРАРОДИТЕЛИ И НАСЛЕДНИКИ

Что на самом деле означает слово «викинг»? Следует ли вообще его использовать, и если да, то каким образом?

Скандинавы VIII–XI веков знали это слово — в древнескандинавском языке *vikingr* могло употребляться по отношению к человеку, — но они вряд ли назвали бы так самих себя или свое время. Вероятно, для них это значило что-то вроде «пират» и указывало скорее на род занятий, причем не самый распространенный. Это слово определенно не отождествлялось с целой культурой. И даже тогда оно не обязательно имело негативную окраску и не всегда ассоциировалось с насилием — этими смыслами оно начало обрывать в последующие столетия, уже после эпохи викингов. Точно так же это слово не относилось исключительно к скандинавам — его употребляли по отношению ко всем пиратам Балтийского моря и использовали даже в Англии. Аналогичным образом жертвами набегов викингов становились не только люди, жившие за пределами Скандинавии, — тем, кто промышляет морским разбоем, вряд ли свойственна подобная разборчивость. Даже в XI веке в Швеции еще мог появиться рунический камень в память о человеке — некоем Ассуре, сыне ярла Хакана, — «что нес дозор против викингов», то есть защищал свои земли от вторжений ближайших соседей.

Точное происхождение этого слова неизвестно, но наиболее широко распространенная сегодня версия возводит его к древнескандинавскому слову *vik* — морская бухта. Таким образом, изначально викинги, воз-

можно, были «людьми из бухты» — где их корабли поджидали в засаде проходящие мимо морские суда. Еще одна версия связывает его с регионом Викиен на юго-западе Норвегии, откуда, как считалось раньше, приходили первые морские разбойники — возможно, это тоже имеет под собой некоторые основания.

В современных скандинавских языках слово *vikingar* или *vikinger* до сих пор используют только в прямом смысле («морские разбойники»), в то время как в английском и других языках оно обозначает практически всех, кто, как с грустной безнадежностью выразился один кембриджский ученый, «имел хотя бы отдаленное касательство к Скандинавии “того времени”». Было предпринято немало попыток устранить это недоразумение, но все они не имели успеха. (Так, один покойный историк, посвятивший несколько страниц своей работы вопиющей, по его мнению, терминологической небрежности коллег, в конце концов решил удовольствоваться термином *Norsemen*¹ — тем самым исключив из картины шведов и датчан, и, если уж на то пошло, женщин.) Некоторые ученые теперь пишут слово «викинги» со строчной буквы, если хотят обозначить население в целом, и с заглавной, если имеют в виду только тех, кто занимался пиратством. Я пишу слово «викинги» с заглавной буквы, а смысл определяется через контекст².

Все это не просто мелкие семантические придирки. Используя в обсуждении эпохи викингов термин, который наверняка озадачил бы людей, к которым он якобы относится, историки создали в некотором смысле контрпродуктивную абстракцию. Конечно, прошлое всегда делили на удобные для восприятия временные отрезки, но споры ученых о том, когда началась эпоха викингов, — не то же самое, что споры, скажем, о возникновении Римской империи, где гораздо меньше пространства для ретроспективных домыслов.

Следует иметь в виду, что никакие другие жившие тогда народы не распространились по известным в то время частям Евразии и Северной Атлантики так же широко, как скандинавы. Они путешествовали по территориям примерно сорока с лишним современных им стран и имели документально подтвержденные контакты более чем с пятьюдесятью различными культурами. Некоторые ученые пытались утверждать, что в этом

¹ В зависимости от контекста — норманны, норвежцы, северные мужи. — Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.

² В русском переводе книги слово «викинги» решено писать везде со строчной буквы, как принято в отечественной историографической традиции.

нет ничего выдающегося и примечательного, и это просто региональное проявление общеконтинентальной мобильности и общих тенденций реорганизации экономики после распада Римской империи — нечто вроде зарождающегося раннесредневекового Евросоюза с особенно агрессивными участниками на Севере. Действительно, набеги и морские сражения происходили в регионе Балтийского и Северного морей за многие столетия (если не тысячелетия) до эпохи викингов. Однако нет никаких сомнений в том, что размах и интенсивность морского пиратства постепенно, но очень явно увеличивались начиная с 750-х годов и достигли кульминации в полномасштабных военных кампаниях IX и X веков, сокрушивших политические структуры Западной Европы. Параллельно и в тесной связи с морским разбоем исследовались и заселялись новые земли и развивалась торговля, особенно на востоке. Короче говоря, «эпоха викингов», при всей очевидной искусственности этого конструкта, ретроспективно созданного учеными, имеет вполне ощутимую значимость.

В то же время предпринимались попытки вычеркнуть викингов из истории, как ни парадоксально, именно на основании того, каким образом они были в нее вписаны. Согласно этой логике, будущее «колонизировало» упомянутый отрезок прошлого, исказив его сообразно собственным нуждам, и викинги на самом деле не более чем плод воображения живших позднее людей. На мой взгляд, такой подход не имеет смысла. Да, романтический национализм, викторианский империализм и их одиозные европейские преемники, безусловно, повлияли на поздние представления о викингах, однако они ровно ничего не говорят о том, что в действительности происходило в середине VIII — XI веке, — только о том, каким образом эта эпоха была освоена в культурном контексте или использована в качестве оружия (что, конечно, не следует оставлять без внимания).

С учетом всей этой неопределенности и продолжительных социально-политических злоупотреблений крайне важно позаботиться о том, чтобы концепция эпохи викингов имела проверяемую эмпирическую реальность, обнаруживаемую при внимательном изучении. Трехсотлетний период, начавшийся примерно с середины VIII века, ознаменовался в первую очередь процессом глубокой социальной трансформации, определившей облик Северной Европы на ближайшую тысячу лет, и это само по себе оправдывает дискретное определение эпохи викингов.

Свести воедино все имеющиеся данные — нелегкая задача. Хронологически упорядоченный ход повествования необходим, чтобы понимать события этих трех столетий в контексте, но в нем нет единой направляющей нити, которая провела бы нас по всем обширным и разнообразным

аренам деятельности диаспоры викингов. Гораздо более объемные книги, чем эта, целиком посвящены только взаимоотношениям скандинавов с современной европейской частью России, — и это лишь один пример, то же самое можно сказать обо всех остальных аспектах их жизни. Пытаясь охватить целиком эту огромную картину, мы неизбежно упустим какие-то детали. Читатели, желающие углубиться в обсуждение искусства викингов, типологии артефактов, методов кораблестроения и тому подобного, могут обратиться к множеству прекрасно иллюстрированных специальных исследований или использовать как отправную точку список литературы, приведенный в конце этой книги. Точно так же, учитывая, что скандинавы контактировали более чем с пятьюдесятью культурами, если бы мы посвятили каждой из них хотя бы тысячу слов, мы получили бы добрых полкниги сухих описаний. Когда мы следуем за викингами, общая картина всегда проступает на заднем плане, но, возможно, здесь нам будет полезнее сосредоточиться на симультанности, моментальных снимках и кратких экскурсах к происходившему в разные отрезки времени на разных территориях.

Этот подход открывает новые возможности, но вместе с тем имеет ограничения. В частности, представляется сомнительной концепция исключительности викингов (отличие от других не равняется исключительности), и я считаю, что ее следует по возможности избегать. Воспользуемся образом, который пришелся бы по душе им самим: в североевропейских народных сказках сюжет часто вращается вокруг поиска тайного имени (очевидный пример — сказка о Румпельштильцхене). Викинги оставили ключи к разгадке своего тайного имени, своей подлинной сути, скрытой от глаз. Скандинавская поэзия и даже надписи на рунических камнях пронизаны ощущением близости сверхъестественного, — они созданы людьми, существовавшими на одной волне с окружающим миром. Подобное ощущение прослеживается и в их материальной культуре, где каждая доступная поверхность (в том числе человеческое тело) покрыта переплетающимися рисунками, вьющимися узорами, животными и другими исполненными смысла изображениями. Мир викингов полнился кипучей жизнью, его внешние и внутренние границы были во многих смыслах более прозрачными, чем наши, и множество извилистых троп соединяло его с владениями богов и других сверхъестественных сил.

Однако, наблюдая за историями, разворачивающимися на страницах этой книги, важно не упускать из виду и то, чего в них не хватает, — то, что нам *неизвестно*. Где-то это незначительные детали, где-то — важные основополагающие элементы. Эти пробелы примечательным образом

лишены систематичности. Заполнить их можно лишь с помощью более или менее обоснованных гипотез, опирающихся на уже известные факты (впрочем, история и есть не что иное, как гипотетическая дисциплина, иногда чем-то сродни научной фантастике о прошлом).

Например, нам очень мало известно о том, как викинги измеряли время. Загадкой для нас остаются их музыка и песни (здесь теоретически можно отталкиваться от немногих сохранившихся музыкальных инструментов, тональные качества которых можно было бы реконструировать, но что именно викинги с ними делали — совсем другой вопрос). Неясно, куда, по мнению викингов, после смерти попадали женщины. Почему так много серебра безвозвратно закапывали в землю? Эти и другие вопросы остаются без ответов и продолжают волновать ученых на протяжении веков. Но все же они заслуживают того, чтобы их задать. Если вы действительно верили — в сущности, *знали*, — что человек, живущий выше в долине, при определенных обстоятельствах может превращаться в волка, каково было жить с ним по соседству? Каково было выйти за него замуж?

Скорее всего, нам никогда не удастся произнести тайное имя викингов, но если мы будем чутко прислушиваться к их голосам, их заботам и идеям, к их миру и их сознанию — полагаю, сможем не только лучше понять их древнюю жизнь, но и по-новому взглянуть на то, как мы сами стали такими, как есть. Итак, перед нами эпоха викингов, детей Ясена и Вяза: череда наблюдательных пунктов, откуда открывается вид на людей, место и время, неизбежно конечное, но пребывающее в постоянном движении. Разумеется, в некотором смысле это *моя личная* эпоха викингов, за которой стоит тридцать с лишним лет исследований, и, как работа любого профессионального исследователя прошлого, она ограничена моими предрассудками и предубеждениями.

Как же туда попасть? Если смотреть практически, какие источники данных мы можем использовать, чтобы приблизиться к викингам?

Как многие другие области познания, науку о викингах время от времени сотрясают междисциплинарные ссоры, в первую очередь между учеными, работающими с текстами, и их коллегами-археологами, контактирующими с прошлым через предметы и локации. Этот спор никогда не затихает окончательно, и его отголоски время от времени напоминают о себе, как нерегулярные подземные толчки в зоне геологического разлома. Разумеется, создание текста — также глубоко материальный акт: чтобы вырезать знаки на камне или на дереве или написать их пером на пергаменте, требуются целенаправленные усилия, ресурсы и навыки, и у всего этого,

конечно, есть определенная цель и социальный контекст за пределами простой коммуникации. Некоторые редкие источники, например великая эпическая поэма «Беовульф», существуют в виде единственной рукописи — это в буквальном смысле артефакты.

Ученые, изучающие викингов, как правило, специализируются на одной конкретной частоте сигналов, идущих из конца первого тысячелетия, но кроме этого, им необходимо разбираться во множестве смежных дисциплин: археология, изучение саг, филология, рунология, история религий — список можно продолжать, а в последнее время заметный вклад в исследования вносят естественные науки и науки об окружающей среде, включая геномику. Также очень важно знать современные скандинавские языки и иметь рабочее представление о древнескандинавском языке и латыни.

Поскольку я сам археолог, неудивительно, что большая часть этой книги основана на результатах раскопок и полевых исследований. Идет ли речь о предметах, сооружениях, захоронениях или разного рода образцах для научного анализа, все это, по сути, *вещи* — или, если использовать вполне удовлетворительно отражающий суть академический термин, материальная культура.

Некоторые из этих предметов, особенно погребальный инвентарь, сохранились благодаря тому, что люди когда-то сознательно организовали их размещение, — проще говоря, они были найдены, потому что их специально оставили именно в этом месте. В захоронениях можно непосредственно встретиться с викингами в виде скелетов или кремнированных останков. Но гораздо чаще археологам приходится иметь дело с вещественными фрагментами, разрушенными и плохо сохранившимися или случайно уцелевшими после того, как их потеряли, где-то забыли или выбросили по причине негодности. Сюда относятся находки, сделанные в культурных слоях поселений, где обнаруживаются всевозможные предметы, оказавшиеся в земле за те годы, что здесь жили люди: разбитая глиняная посуда, пищевые отходы, вещи, которые были выброшены или оставлены, когда пришло время переезжать на новое место. Археологи также находят следы строений, сохранившиеся в земле в виде темных очертаний на месте сгнивших бревен или ям от столбов, когда-то поддерживавших крыши и стены. В редких случаях встречаются каменные опоры фундамента или выемки, в которых они находились, пока кто-то не забрал их для повторного использования.

Археология — в высшей степени интерпретативное занятие, где необходимо постоянно приводить в равновесие различные вероятности и аль-

тернативы. Мы можем строить догадки и предположения, но далеко не всегда можем быть абсолютно уверены. Неотъемлемое качество хорошего исследователя — готовность признать свою неправоту, открытость для конструктивной критики. И все же, хотя выводы следует формулировать осторожно, не стоит думать, что, с учетом всех этих оговорок, по-настоящему узнать что-либо о прошлом невозможно и не стоит даже пытаться. На помощь археологам приходит обширный теоретический аппарат, постоянно развивающийся, иногда противоречивый и часто непонятный непосвященным, но тем не менее играющий в исследованиях важную роль. Сравнивая то, какими были наши представления об эпохе викингов (и вообще о прошлом) пятьдесят лет назад, с тем, что мы знаем сейчас, нельзя не испытывать изумление и воодушевление. Викинги, которых я изучал в колледже в 1980-х годах, сильно отличались от тех людей, о которых я рассказываю сегодня студентам, и то же самое наверняка можно будет сказать, когда у этих студентов появятся собственные ученики. Так и должно быть.

Есть и другие сложности. Общим для большинства археологических площадок остается вопрос сохранности материалов, во многом зависящей от типа и относительной кислотности местной почвы. Камень — материал, наименее подверженный разрушениям, хотя он тоже может искрошиться и выветриться, если будет в течение долгого времени подвергаться воздействию природных сил. Металл и керамика обычно сохраняются (хотя могут пострадать от ржавчины и тому подобного), в то время как степень сохранности костей сильно различается. Реже всего встречается органика — изделия из ткани, кожи, дерева и подобных материалов. Она почти всегда бесследно исчезает, кроме случаев, когда доступ кислорода к почве по тем или иным причинам ограничен, например когда она сильно пропитана влагой.

Все сказанное относится к предметам, лежащим в земле, но кроме этого, археологи фиксируют видимый ландшафт, для эпохи викингов наиболее очевидно представленный земляными валами, укреплениями или погребальными курганами, а также каменными памятниками, канавами или каменными изгородями сухой кладки, обозначающими границы владений, и так далее. Рельеф местности со временем может измениться — реки меняют русла, береговая линия поднимается или опускается, заболоченные участки осушают под пашню, в редких случаях природные явления, такие как извержения вулканов, провоцируют еще более радикальные изменения, — но материальные свидетельства остаются. С помощью неразрушающих методов разведки, таких как георадар и разные виды электромагнит-

ных исследований, позволяющих выявлять скрытые особенности, канавы, ямы для столбов и очаги, можно «читать» не только видимый ландшафт, но и то, что спрятано под ним.

Сопоставляя данные раскопок, полевых исследований и геофизической разведки, мы можем восстановить общую картину поселений эпохи викингов, вплоть до мельчайших подробностей жизни людей. Данные позволяют понять, как они жили, как одевались и что ели, какие вещи изготавливали и использовали. Археологи могут реконструировать внешний вид домов и крестьянских хозяйств, сделать выводы о том, как люди обеспечивали себя пропитанием, получить представление об их экономике. На основании всех этих данных можно нарисовать схематическую картину семейного уклада и социальной иерархии — и получить приблизительное представление о политических системах и способах демонстрации власти. Кроме того, археология может восстановить обрядовые действия, связанные с живыми и с умершими, приоткрыть для нас мировоззрение и религиозные представления людей прошлого. Не в последнюю очередь все это позволяет понять, как викинги и другие народы той эпохи взаимодействовали друг с другом на территории нынешней Скандинавии и далеко за ее пределами.

За последние полвека археологическая наука кардинально изменила наши представления о прошлом не только в эпоху викингов, но и в другие исторические периоды. Анализ изотопов стронция и кислорода в человеческих зубах и костях позволяет определить, в какой местности люди жили в детстве и юности, в годы формирования организма, может сообщить нам, как часто они переезжали с места на место, и показать, чем они питались. Материаловедение позволяет идентифицировать предметы и вещества, сохранившиеся так плохо, что раньше об их природе можно было только догадываться. Научный анализ определяет происхождение употребляемых в производстве металлов, глин и минералов, виды и места обитания животных, шкуры и кость которых были использованы в качестве сырья, позволяет установить по годичным кольцам деревьев точную дату того или иного события, иногда вплоть до года и даже времени года. Археологи могут раскопать затонувший корабль в Дании и определить, что он был построен в Ирландии. Анализ древней ДНК помогает достоверно определить пол умерших, выявить их семейные связи и даже узнать цвет их глаз и волос. Он также дает возможность отслеживать масштабные миграции населения и крупные демографические изменения. Экологические исследования помогают воссоздать флору поселений и окружающей местности, определить, возделывали эту территорию или она была занята лесом, какие

культуры здесь выращивали, а также определить, как и насколько изменились со временем способы землепользования.

Ни один специалист не способен одинаково хорошо разбираться во всех этих областях, но совместная работа археологов в поле, в лабораториях и в библиотеках теперь дает больше, чем когда-либо, возможностей для восстановления картины жизни людей прошлого.

Но сведения об эпохе викингов можно почерпнуть не только из материальной культуры и других природных и вещественных следов, хотя эти данные разнообразны и их количество постоянно растет. Как насчет письменных источников? Культура Скандинавии в то время была преимущественно устной и не создала литературных или документальных текстов — викинги не записывали собственную историю. Это не значит, что они были неграмотными — руническое письмо было широко распространено на Севере с его возникновением в римские времена до расцвета надписей в эпоху викингов. Однако количество этих материалов ограничено. Существуют тысячи вырезанных на камне кратких мемориальных надписей и эпитафий, иногда даже стихов, а также редкие примеры нацарапанных на дощечках повседневных записей и пометок. Но более длинных текстов в странах Севера в эпоху викингов создано не было.

Культура викингов относится к числу так называемых протоисторических культур — ее история известна нам, потому что о ней писали зарубежные современники. Однако это создает определенные трудности, и во многих отношениях именно это лежит в основе почти всех современных стереотипов о викингах — дело в том, что большинство письменных источников такого рода создавались людьми, оказавшимися на острие их агрессии. Большая часть этих записей входит в придворные хроники, обычно написанные на латыни для правящих династий Западной Европы. Ряд текстов, названных в честь монастырей, где они были созданы или хранились, повествует о Франкском государстве и Священной Римской империи на континенте, а несколько древнеанглийских рукописей, составляющих так называемую «Англосаксонскую хронику», охватывают Англию. Кроме того, у нас есть аналогичные источники из арабского мира, в частности из Кордовского халифата в Андалусии и из Византийской империи со столицей в Константинополе, — и это лишь некоторые из них.

К этому можно добавить сухие юридические документы о пожаловании земель и привилегий, в которых сохранились случайные сведения о деятельности викингов, например упоминания о местах, где когда-то располагались их оборонительные сооружения или военные лагеря. Су-

ществуют законы — раннесредневековые региональные судебники, записанные через сто с лишним лет после викингов, но часто содержащие различные полезные сведения, явно относящиеся к более древнему периоду. В той же культурной среде возникло некоторое количество текстов личного характера, написанных монахами и священниками, путешественниками, дипломатами и торговцами, шпионами, поэтами и другими людьми, встречавшимися с викингами на родине и за рубежом.

Все эти виды документов будут рассмотрены в следующих главах, но при этом важно учитывать некоторые их особенности. Во-первых, хотя они основаны на рассказах современников, иногда даже очевидцев упоминаемых событий, в своем нынешнем виде почти все они были скомпилированы, отредактированы или переписаны в более поздние времена, и этот контекст требует критического отношения. Во-вторых, хотя они часто производят впечатление непосредственного репортажа с места событий, они всегда пишутся с определенной целью — зачастую это откровенная пропаганда, задачей которой было не только представить авторов в благоприятном свете и очернить викингов, но и принизить соседние королевства или народы. Короче говоря, к ним нужно подходить с осторожностью.

Помимо более или менее современных викингам письменных источников, существуют сказания (пожалуй, одни из самых известных в мире) — выдающийся корпус исландских текстов, давших Северу собственную литературную традицию. У многих людей викинги так прочно ассоциируются с сагами, что они очень удивляются, обнаружив, что на самом деле эти захватывающие повести появились на несколько веков позже тех событий, о которых рассказывают. Для тех, кто хочет лучше понять эпоху викингов, попытка вникнуть в эти тексты только усложняет дело.

И в древнескандинавском, и в современных скандинавских языках *saga* означает просто «история» — буквально «то, что сказано». Как любая повествовательная традиция, саги имеют множество стилей и жанров. Их сочиняли в разное время и в разных местах, с самыми разными целями. Первые древнескандинавские саги были записаны в Исландии в конце XII века, более ста лет после номинального окончания эпохи викингов. Традиция продолжала существовать еще много веков, и, хотя ее творческий расцвет пришелся на XIII век, новые саги продолжали создавать и после Реформации, и в раннее Новое время. Таким образом, обманчиво простой термин включает в себе огромное разнообразие текстов, от официальных исторических летописей до вечерних сказок у очага, а также все находящиеся между ними промежуточные варианты.